

Сина Беервальд

Муза
ПАГАНИНИ

Скрипач
ОТ ДЪЯВОЛА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Б38

Sina Beerwald

DIE MUSE DES TEUFELSGEIGERS.
HISTORISCHER ROMAN

Copyright © Aufbau Verlage GmbH & Co. KG, Berlin 2024
Published with Aufbau Taschenbuch
Aufbau Taschenbuch is a trademark
of Aufbau Verlage GmbH & Co.

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© kukuruzik / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Перевод с немецкого *Анастасии Егоровой*
Художественное оформление *Натальи Каптыкиной*

Беервальд, Сина.

Б38 Муза Паганини. Скрипач от дьявола / Сина Беервальд ; [перевод с немецкого А. Егоровой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-226215-9

Вена, 1828 год. Пока муж спивается и вгоняет семью в долги, Софи фон Савицкая занимается семейной мастерской. Она – настоящий виртуоз в починке инструментов, но мало кто может оценить ее талант по достоинству.

Пока на пороге их дома не появляется знаменитый Никколо Паганини со своей поврежденной скрипкой Гварнери, которую нужно успеть спасти до завтрашнего концерта. Софи берется за практически невозможную работу и оказывается втянута в вихрь страсти и интриг. Мир вокруг рушится быстрее, чем она успевает восстанавливать инструмент: предательство, интриги и заговор ставят на кон жизнь самой Софи, а запретная привязанность к Паганини становится музыкой, которую невозможно заглушить.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Егорова А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-226215-9

Посвящается Лаврису

Там, где разум бессилен, царствует
Паганини. (1829)

*Джакомо Мейербер, композитор
(1791–1864)*

Пролог

.....

*Италия, 1876 год
Тридцать шесть лет
после смерти Паганини*

Лунная ночь словно была создана для её замысла. Где-то по узким улочкам прогуливался одинокий ночной сторож, следивший за порядком, — нельзя попасться ему на глаза.

Отяжелевшие от возраста ноги несли Софи по брусчатке портового квартала, отполированной лунным светом. Каждый камень здесь был ей знаком. Она никогда бы не поверила, что покинет любимую Вену и поселится в этом обветшалом итальянском городке, и всё же вторая половина её жизни прошла именно здесь — таково было веление её сердца.

Былое величие процветающего портового города с его богатыми аристократическими семьями и нарядными палаццо давно угасло. Дома стояли, прижимаясь друг к другу, обветшавшие, с крошечными палисадниками за ржавыми железными воротами. Лишь две улицы в городе были достаточно широки для карет, и как раз они вели к её цели — палаццо Дориа-Турси.

Если бы кто-то увидел её из окна, наверняка покачал бы головой: пожилая женщина, ночью, по неровной мостовой... Софи усмехнулась. Ей пришлось до-

жить до восьмидесяти шести, чтобы заполучить шанс обрести покой, и она не собиралась тратить время на переживания о том, как это выглядит. В полумраке можно было подумать, что женщина опирается на трость. Но эта «трость» была слишком тонкой, короткой и бесценной — это был смычок Паганини.

Тридцать шесть лет назад она приехала из Вены в Ниццу, чтобы проститься с любимым на смертном одре. Паганини подарил ей этот смычок и передал последнюю просьбу: он хотел быть похороненным в родной Генуе, а она должна была в последний раз сыграть на его скрипке — той, которой, кроме самого маэстро, никто не смел касаться. И тогда этот инструмент, «вместилище его души», должен был навсегда умолкнуть и занять место в музее родного города дьявольского скрипача.

Но всё вышло иначе. Совсем иначе.

Вчера её любимого наконец предали земле в Парме, в двух днях пути от Генуи — через тридцать шесть лет после смерти. Да, почти четыре десятилетия Паганини не находил покоя — и всё из-за проклятого Каффарелли, священника, принявшего его последнюю исповедь. Этот проходимец утверждал, будто умирающий признался в сделке с дьяволом! Какая же наглая ложь! Софи видела своими глазами, что Паганини, измученный туберкулёзом, не мог ни говорить, ни держать перо.

Однако священник упорно стоял на своём: что это за христианин, если он за пять месяцев в Ницце ни разу не посетил церковь, — и даже не принял во внимание, что Паганини попросту не мог подняться с постели.

Софи глубоко вздохнула. Все доводы разума разбились о фанатизм священника, утверждавшего, что

«по божественной милости» ему удалось в последний момент заговорить с самим Сатаной, ловко скрывавшимся от свидетелей. Осквернять священную землю телом такого грешника было немыслимо. Даже частное погребение запретили. Дело дошло до Папы, который перепоручил его архиепископу Турина, а тот, собрав духовенство из Ниццы и Генуи и выслушав всех свидетелей, подтвердил приговор: «Христианского погребения для исчадия ада быть не может».

Бедный сын маэстро, Ахилл, с четырнадцати лет вынужден был скитаться по Европе с гробом, где покоилось забальзамированное тело отца. Но и это ещё не всё: десятилетиями любопытствующие жаждали взглянуть на «того, кто заключил сделку с дьяволом», и не успокаивались, пока не находили гроб. Ахиллу пришлось перевозить его с места на место, пока наконец Церковь «милостиво» не разрешила похороны. «Премного благодарны за милосердие», — с горечью думала Софи.

Она никогда бы не поверила, что может так подумать о святой Церкви... Но как ещё назвать то, что после множества отказов, уже в свои пятьдесят лет, Ахилл в отчаянии вновь написал в Рим: «Неужели тридцати шести лет скитаний недостаточно?» Ответ пришёл неожиданно быстро: приговор можно отменить, но лишь при условии «явного знака покаяния усопшего». Понимая, сколь это «трудноосуществимо», Церковь сочла таким знаком... пожертвование. Сумму, равную всем гонорарам, которые «дьявольский скрипач» якобы заработал с помощью Сатаны.

Годы скитаний сломили Ахилла. Он перевёл целое состояние в церковную казну — и даже после этого прошёл ещё год, прежде чем ему разрешили похоро-

нить отца. Даже с церковным благословением по католическому обряду, но — «из уважения к чувствам верующих» — в узком кругу, в глубочайшей тайне. Лучше всего, разумеется, ночью.

Так и было сделано. Но вчера Софи не смогла сыграть на скрипке — у неё был лишь смычок. С тяжёлым сердцем она шла за похоронной процессией в свете факелов. У могилы каждому позволили в последний раз взглянуть на Никколо через стеклянное окошко гроба: его тело забальзамировали сразу после смерти. Лицо казалось гипсовым, но обрамлённые чёрными кудрями черты сохранили живость — казалось, он просто спит. Она не ожидала, что её возлюбленный будет выглядеть так... естественно. На мгновение ей почудилось, будто всё это дурной сон: вот он проснётся, и его лицо озарится мягкой улыбкой... Горе накатило волной. Как бы она хотела в последний раз сжать его руку и попросить прощения за неисполненное обещание! Ведь его скрипка по завещанию десятилетиями хранилась как сокровище в палаццо Дория-Турси.

Ахилл хотел передать её музею только после похорон — предчувствовал, что иначе инструмент будет потерян. Как он оказался прав! Но спустя одиннадцать лет безуспешных попыток похоронить отца он уступил требованиям музея. Так Гварнери дель Джезу заняла своё место под стеклом. Винить новую смотрительницу музея было трудно: она отказалась рисковать, перевозя драгоценность за два дня пути в Парму.

— К тому же, — заявила она, — маэстро Паганини не оставил бумаг, подтверждавших его желание. Прошу меня простить, но мой долг перед наследием обязывает меня сомневаться в ваших словах.

— Что ж, справедливо, — с горечью бросила ей в ответ Софи. — Бесспорно, маэстро должен был предвидеть эту тридцатилетнюю одиссею...

В ответ смотрительница вдруг смягчилась и пообещала «безопасно доставить скрипку в Парму». Но, конечно, даже не подумала сдержать слово. У могилы возлюбленного Софи оставалось лишь стиснуть зубы и, смахнув слёзы, поклясться: скрипка Паганини ещё зазвучит. С разрешением властей или без него.

Дорога была знакома до боли. Всего пятнадцать минут пешком от её дома в портовом квартале — мимо родового гнезда маэстро к музею, где она когда-то работала смотрительницей в ожидании часа, когда сможет исполнить обещание. Будь Софи ещё на посту, ей бы это ничего не стоило, но время безжалостно шло вперёд. Уходя на покой, она предусмотрительно сделала копию ключа — теперь он хранился у неё вместе со смычком.

Сегодня скрипка Паганини оживёт в последний раз.

Что ей терять? Свободу? Ха! Тюрьма не страшила её: доктора отводили ей не более трёх месяцев. Под эфирным наркозом они вскрыли Софи чрево, чтобы удалить «единственную причину боли», — и в ужасе зашили обратно. С тех пор боль то накатывала, то отступала. Но никакие страдания не помешают ей исполнить последнюю волю любимого.

Где-то в закоулках дрались две кошки, издавая жуткие вопли. Полная луна освещала путь через грязные переулки к дому родителей Паганини на улице Пассо ди Гатта Мора («Переулке Чёрной Кошки»). Переехав сюда, Софи часто думала: может, то,

что Никколо родился именно здесь, было зловещим предзнаменованием?

Она остановилась перед узким покосившимся домом под номером тридцать восемь. Казалось, здание не разваливается только потому, что буквально срослось с соседними домишками, образовав нестройный ряд. На облупившемся фасаде красовался каменный киот для благочестивого поклонения — какое издевательство после почти сорокалетней борьбы с духовенством, которую они выиграли лишь потому, что состояние Паганини теперь принадлежало Церкви. Охваченная внезапной волной ярости, Софи подняла камень и изо всех сил швырнула его в изваяние. Резко отвернувшись, она двинулась дальше. На душе стало легче.

Чем меньше оставалось идти до палаццо, тем внушительнее становились дома, однако большинство городских дворцов стояли заброшенными: некогда роскошные фрески на фасадах поблекли, сады заросли сорняками, а статуи облачились в одежды из мха. Конюшни и каретные сараи оставшиеся жители приспособили под дровяные склады — городские власти смотрели на это сквозь пальцы. У одного дома на повороте оконные решётки первого этажа вываливались из рыхлой кладки, да и массивная деревянная дверь сорвалась с петель, удерживаемая теперь лишь мощным замком.

Наконец Софи вышла на широкую Страда Нуова, и ей показалось, будто она перенеслась в другой мир. Здесь, вокруг палаццо Дория-Турси, ещё старались поддерживать великолепие дворцов — всё-таки из окон ратуши не хотелось созерцать городское убожество. Широкая улица была пустыня, и Софи наде-

ялась, что на последних метрах не столкнётся с ночным стражем. Так же, как и со старым Федерико, который десятилетиями, словно призрак, бродил по музейным коридорам, следя, чтобы воры не орудовали внутри. Хотя последнего никогда не случилось, Федерико для верности всегда носил при себе пистолет.

Остановившись перед массивными входными воротами, затерявшимися среди множества колонн, Софи крепче сжала смычок, а другой рукой полезла в карман за ключом. Вокруг стояла такая тишина, что ей казалось, что на всю Геную слышно, как ключ входит в замок и медленно поворачивается. Зная точно, с какого момента петли начнут скрипеть, она не распахнула дверь до конца, а протиснулась в щель.

Колонны и стены внутреннего двора были из мрамора, как и многочисленные статуи, неподвижные взгляды которых заставили Софи неловко поежиться. Они как будто наблюдали. В своих кожаных башмаках женщина почти бесшумно поднялась по широкой лестнице на второй этаж. Это оказалось утомительнее, чем она думала. Когда Софи наконец преодолела последний пролёт, ей пришлось остановиться и перевести дух. Сдерживая желание громко вдохнуть полной грудью, она замерла. Главное — не издать лишнего звука, который мог бы её выдать. Софи окинула оценивающим взглядом залитую лунным светом галерею. По обе стороны тянулись бесконечные ряды дверей, но анфилады были пусты — удача была на её стороне. Немного успокоившись, Софи направилась к знакомой двери, которую в былые времена ей приходилось открывать по много раз на дню. Вставила ключ, повернула тугую золотую ручку.